

Радмила Караклаич.
Фото Ирины Барышевой

«МАТЕРИНСТВО — САМАЯ ВАЖНАЯ РОЛЬ, КОТОРУЮ Я СЫГРАЛА В ЖИЗНИ»

Независимая газета — 2000, — 30 марта, — с. 15
30 лет, проведенные на сцене, не мешают певице Радмиле Караклаич так думать

Ирина Семенова,
Александр Беляев

Во Франции есть Мирей Матье. В Польше — Марыля Родович. В России — Алла Пугачева. В Югославии... ну, конечно, Радмила Караклаич. Нынешнее среднее поколение помнит эту певицу — постоянную участницу международных песенных фестивалей и конкурсов, популярных в годы существования социалистического лагеря. Как живет певица сейчас, когда Югославия разлетелась на суверенные государственные «осколки» и некоторые из этих «осколков» — сами в осколках натовских бомбежек?

РАДМИЛА, вы по-прежнему живете в самом Белграде или в связи с событиями последних лет покинули город?

— Я родилась, и живу, и всегда буду жить в Белграде. Была у меня небольшая вилла на берегу Адриатического моря. Я строила ее шесть лет, вложила все свои сбережения... Сейчас она, увы, полностью разрушена.

— В результате боевых действий?

— Совсем нет! Эта территория Адриатики официально принадлежит Хорватии, поэтому там целенаправленно и намеренно разрушали все, что принадле-

жало сербам. А поскольку я по национальности сербка, то и мой небольшой домик пострадал. Сначала его разграбили, а потом совсем разрушили. Впрочем, я в этой беде не одинока: вместе с моим домом были разрушены тысячи небольших дач, построенных югославами на этом берегу, чтобы было где отдохнуть во время отпуска.

— Как вы пережили бомбардировки Белграда?

— Когда началось вторжение войск НАТО в Косово, мало кто ожидал, что это коснется Белграда: Косово довольно далеко от столицы. И вообще все были уверены, что такое долго не будет длиться. Белград — сердце Сербии. Его нельзя никому отдать. Он принадлежит только Сербии! И вдруг — бомбежки... Меня они застали дома. Сирены воздушной тревоги звучали и раньше, но скорее как предупреждение, ни до чего серьезного дело не доходило. Помнится, я проснулась в половине третьего ночи от жуткого грохота — бомбили совсем рядом с моим домом. Когда упали первые три бомбы, от страха я ощутила физическую боль в животе и дикие спазмы: неужели следующая бомба попадет прямо в мой дом?! Я сразу покинула его и направилась в подвал. Впрочем, спустя некоторое время привыкла, перестала туда спускаться по сигналу тревоги и оставалась дома. У меня — частный дом. Незадолго до этого я перевезла к себе своего сына и семью брата с детьми: раньше они жили в высотном доме на 15-м этаже, возникали постоянные проблемы с водой, электричеством, часто не работал лифт... Во время бомбежек вся моя семья была в моем доме. Не дай Бог, если бы очередная бомба угодила в дом...

— Некоторые наши соотечественники, побывавшие у вас либо как туристы, либо

— как группа «На-На» — с концертами, утверждали, что в городе не было заметно никаких следов бомбежки, люди смеялись, радовались и жили обычной спокойной жизнью...

— Ну что значит радовались?.. Все это — страшная боль и страшные потери. Нас полностью разбили экономически. Как можно в таких условиях смеяться? Мы старались и стараемся держаться: нужно же как-то пережить это время и эти потери, нужно бороться со злом, чтобы подобное в истории человечества больше не повторилось. Мы делали концерты каждый день, чтобы люди после ночи, проведенной под звуки бомбежки в подвале, могли прийти в себя. Ведь все наши люди продолжали жить: так же с утра вставали, шли на работу, занимались привычными делами, вечером ходили в кафе... Надо было жить!

— К великому счастью, из ваших близких никто не пострадал. Но ведь жить в постоянном страхе тоже нельзя! Не было ли у вас мысли уехать?

— А куда? Без визы, временно, на срок до месяца, мы можем уехать только в Болгарию, на Кипр или к вам в Россию. Она уже мне стала родной! Но какой смысл уезжать? Югославия — моя родина. Я хочу быть здесь, рядом с моим народом, даже в самое тяжелое время.

— Женщинам присуще особенное чувство жертвенности. Приходилось ли вам чем-то жертвовать в жизни?

— К сожалению, да. Но никогда я не жертвовала тем, что особенно важно для каждой женщины — детьми. Я — мать, у меня прекрасный сын Огнян, которому сейчас 24 года. Огнян в переводе на русский значит «огневой». Он и в самом деле огневой. Надеюсь, он вырос хорошим парнем. Материнство — самая важная

роль, которую я сыграла в жизни. Сначала материнство, а потом — карьера. Что касается личной жизни, то ею приходилось жертвовать ради творческой карьеры. Я понимаю, что непросто жить с человеком, который всю жизнь разъезжает по гастролям и все силы и средства вкладывает в работу.

— А мужчины жертвовали ради вас?

— Не знаю, но, наверное, если им хотелось быть рядом со мной, то им приходилось идти на жертвы.

— Мир эстрады — особенный мир. Мешала ли вам в творчестве и жизни зависть ваших коллег?

— К сожалению, у меня было много проблем из-за этого. Я испытала на себе все — и зависть, и ревность... Сейчас больно вспоминать.

— Певцы — суеверные люди. Есть ли у вас какие-то свои приметы — будет ли концерт успешным или нет...

— Я не суеверна и ни в какие приметы не верю. Перед концертом всегда очень волнуюсь, потому что серьезно отношусь ко всему, что связано с моей профессией. Я не пью, не курю — и вовсе не потому, что мне это кто-то запрещает. Просто я всегда стараюсь делать хорошо все, за что берусь. А берусь я за то, что могу сделать, соизмеряю со своими возможностями. Это воспиталось в течение многих лет работы. Чтобы держаться на сцене 30 лет, как я, необходимо быть сильным человеком. Мне пришлось пять лет заниматься бизнесом, работать директором коммерческой фирмы — словом, не петь. Потом меня снова стали приглашать на концерты. Было очень тяжело и сложно, потому что я уже все забыла.

— Интересно, как вы распорядились прибылью от своего бизнеса?

— Я не была владельцем этой компании: получала обыкновенную зарплату, и особой прибылью у меня не было. А то, что было, я вложила в дело своего сына: он окончил колледж и сейчас вместе с другом делает свою студию. У нас в Югославии он признан лучшим диско-желем и уже несколько месяцев работает в Греции, делая карьеру диджея европейского уровня.

— Как складывались ваши отношения с кино?

— В 1967 году я снималась в совместном советско-югославском молодежном фильме «Попутного ветра, «Синяя птица»!», где исполняла прекрасную песню Андрея Петрова «Первая любовь». Потом меня приглашали еще на один фильм, но я не люблю съемки: три месяца тратятся на несколько кадров, ты сидишь в павильоне и никого не видишь. Я так не могу, я люблю контакты с людьми.

— Конечно, музыка поглощает человека без остатка. И все-таки, чем еще вы любите заниматься?

— Я очень хорошая домохозяйка! Посмотрите на мои руки — даже ногти не крашу! Домом занимаюсь только сама: для меня любимое занятие и удовольствие делать все для сына. Признаюсь, что я его немножко избаловала... У меня есть помощница, которая приходит раз в неделю. Впрочем, женщины, которые у меня работали по дому, меня не любили: я не сию же руку, а начинаю делать что-то вместе с ними. А поскольку работаю я очень много и очень быстро, они за мной не поспевали, что их сильно раздражало.

— Бог послал вашей маленькой стране большие и серьезные испытания. А вы верите в Бога?

— Верю, хотя и не хожу каждый день в церковь. Я думаю, христианская вера оптимистична: если ты в жизни любишь людей и не делаешь другим ничего плохого, если уважаешь своих родителей и отдаешь все своим детям, то ты живешь в нормальном мире и в ладу с самим собой. Конечно, у каждого из нас есть какие-то слабости, все делают ошибки и совершают маленькие грехи. Это нормально. Но есть основы этики, которые ни в коем случае нельзя ломать. Я люблю жизнь и очень люблю людей!